
ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ,
МЕТОДОЛОГИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА В ПОИСКАХ НАУЧНЫХ СТАНДАРТОВ И ОТРАЖЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

С.А. Кристиневич*

Рассматривается эволюция научных стандартов в производстве экономического знания. Прослеживается изменение критерия истины на условно выделенных этапах развития теоретической экономики: домаржиналистском, маржиналистском и постмаржиналистском. Выявлено, что две современные конкурирующие парадигмы (маржиналистская и постмаржиналистская) следуют разным научным стандартам. Первая ориентирована на построение предельно обобщенной теории, поиск закономерностей, познание природы явлений и процессов. Вторая идет по пути создания отдельных частных моделей, имеющих конкретное назначение и фрагментарность применения. Показано, что спрос на поиск истины вытесняется спросом на производство инструментов. Последствиями этой тенденции являются потеря монополии на производство знаний научным сообществом и делегирование данной привилегии в среду экспертов, бизнеса, аналитических центров. Ключевой функцией науки становится конструирование реальности, которое, в отличие от поиска истины, направлено не на приращение знаний, а на решение узких конкретных экономических задач.

Ключевые слова: теоретическая экономика, методология экономических исследований, мейнстрим, маржинализм, теория истины, экономическая реальность, ортодоксальная экономика, неортодоксальная экономика, парадигмальный сдвиг.

JEL-классификация: A10, B41.

DOI: 10.46782/1818-4510-2022-1-4-16

Материал поступил 10.09.2021 г.

Эпистемология¹, или теория познания, не только изучает сложившиеся исследовательские практики в той или иной области науки, но и описывает *процедуры легитимации нового знания*. В современной теоретической экономике к началу XXI в. с этим сложилась неоднозначная ситуация. Во-первых, наблюдается определенная конкуренция среди исследовательских программ, во-вторых, существует четкая демаркация между «ортодоксами» и «неортодоксами», в-третьих, растет активность со стороны некоторых направлений, претен-

дующих на роль новой социальной философии. В связи с этим становится затрудненным вхождение на рынок академических идей, поскольку существуют определенные барьеры в виде «методологических фильтров», отбраковывающих знания не по критерию истинности, а на основе использования/неиспользования принятых среди определенной группы ученых исследовательских шаблонов.

Одним из таких «фильтров» является идентификация ученого-экономиста по набору применяемых методов. Возможности и ограничения тех или иных методов хорошо известны научному сообществу. И ясно, что в зависимости от используемого «ящика с инструментами» часто приходится решать проблему выбора относительно ожидаемого результата. Например, претензия на универсальность и всеохватность

¹ Термины «эпистемология» и «гносеология» далее в тексте употребляются как синонимы. Однако в настоящее время существует тенденция разграничения этих понятий: гносеология изучает отношения «субъект – объект», а эпистемология – отношения «объект – знание». В силу отсутствия в работе задачи исследования логико-генетического сопоставления философско-методологических дисциплин авторская позиция остается традиционной.

* Кристиневич Сергей Анатольевич (sk.bseu@gmail.com), доктор экономических наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет (г. Минск, Беларусь); <https://orcid.org/0000-0002-8140-7106>

«экономикс» или специфичность и конкретность новой исторической школы; строгость микроэкономических моделей или реалистичность институционального моделирования; математичность экономического империализма или описательность аутентичной политэкономии. Кроме этого, всегда следует помнить, что экономическая теория – наука общественная и тем самым не исключает выполнение идеологической функции. Ситуация осложняется тем, что часто сигналом на рынке идей для деления на своих и чужих (например, «ортодоксов» и «неортодоксов») служит выбранная методология. В итоге возможна ситуация, когда полученный научный результат оценивается не с точки зрения научности, а с позиции соответствия мировоззренческим идеалам. Такой подход исключить нельзя, поэтому актуализируется проблема *принятия, или легитимации нового знания*. Для этого необходимо знать:

- 1) какими характеристиками обладает современная теория познания;
- 2) каковы традиции производства экономического знания;
- 3) возможна ли обобщенная эпистемическая схема исследования, или метаметодология.

Решение следует искать в отношениях между экономической эпистемологией и онтологией. Или, более конкретно, через понимание «истины» в теории познания и описание реальности в экономическом дискурсе. В философии науки единого подхода к этому вопросу нет, поскольку не выработан однозначный взгляд на то, что должно выступать критерием истины для разных наук. При этом существует несколько концепций (теорий) истины, получивших наибольшее распространение: корреспондентная (или классическая), когерентная, прагматическая и конвенциональная теории.

Корреспондентная теория утверждает, что критерием истинности выступает соответствие мысли реальному объекту (Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Дж. Локк, французский материализм XVII в., марксистская версия диалектического материализма и пр.).

Когерентная концепция считает достаточным критерием истины внутреннюю

непротиворечивость теории (Л. Витгенштейн, Г. Лейбниц, Б. Рассел и пр.).

Прагматическая теория истины в качестве критерия рассматривает способность знания приносить практическую пользу (Дж. Дьюи, Ч. Пирс, Р. Рорти и пр.).

Конвенциональная теория придерживается идеи, что критерием истины выступает соглашение (конвенция), явное или неявное, между учеными (Р. Карнап, Т. Кун, А. Пуанкаре и пр.).

Особенность состоит в том, что экономическая эпистемология в основном измеряется координатами классической концепции истины, возникнувшей в античный период и впоследствии ставшей доминирующей в общей теории познания. Классическая концепция истины исходит из допущения о существовании объекта познания вне зависимости от субъекта и состояний его сознания. В XX в., благодаря усилиям Дж. Мура², Б. Рассела (2000), Л. Витгенштейна (2018), классическая концепция оформляется в корреспондентную теорию истины, центральной проблемой которой выступает «соответствие мыслей действительности». Переход экономической науки к неклассической философской традиции и доминирующей в ней когерентной теории, критерием истины считающей самосогласованность и логическую непротиворечивость, происходит неравномерно: от полной статичности ортодоксального направления до его интенсивного поиска посткейнсианцами, неоавстрийцами, институционалистами и др.

Для рассмотрения коэволюции системы «теория истины – теоретическая экономика» целесообразно выделить укрупненные этапы развития экономической науки, при этом критерий их выделения следует выбрать нормативно нейтральный. Продуктивным видится совмещение двух характеристик: *хронологии* и *наблюдаемости парадигмального сдвига*. Последняя характеристика нуждается в некотором пояснении, поскольку напрямую ассоциируется с куновской сменой парадигм (Кун, 2003). Под парадигмальным сдвигом понимается фиксируемое изменение в экономическом дис-

² Грязнов А. 2006. *Аналитическая философия*. Москва: Высшая школа.

курсе, которое может сопровождаться трансформацией взгляда на предмет и метод экономической науки. Таким образом, предлагается выделять три периода развития: домаржиналистский, маржиналистский и постмаржиналистский.

Цель статьи состоит в выявлении методологических трендов в теоретической экономике и обосновании стандартов производства современного экономического знания.

***Домаржиналистский период
(до 1870-х годов), или эра поиска
«окончательных сущностей»***

Началом анализируемого периода будем считать время накопления эмпирических обобщений и формирование на этой основе довольно стройного научного подхода, который продемонстрирован в труде А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.). Иными словами, домаржиналистский период охватывает практически столетний (1776–1870 гг.) временной отрезок, на протяжении которого происходят кристаллизация и распространение классической политэкономии в парадигмальном срезе: А. Смит – Д. Рикардо – Дж. Ст. Милль.

Первой тенденцией данного периода являются постепенный переход от нормативности в экономическом анализе и усиление позиций позитивной методологии. Существенную роль в этом сыграли философские стандарты Нового времени, предложенные в работах Ф. Бэкона (1561–1626 гг.) и Р. Декарта (1588–1679 гг.). В итоге формируются два подхода к изучению социальной реальности: эмпирический и рационалистический. Первый берет за основу наблюдаемые факты, второй – придает значение ясности суждений. Как следствие появляется новый эпистемический критерий: полученные научные результаты должны соотноситься с действительностью и быть проверяемыми на практике. Для экономической науки это означало смену типов мышления: от метафизики к причинно-следственным связям. Отдавая приоритет каузальному подходу в своих исследованиях, экономисты того времени внесли существенный вклад в восприятие экономической онтологии. Теперь экономичес-

кая картина мира представляет собой механистическое, линейное межсубъектное взаимодействие: остальные типы связей исключаются из анализа как неподдающиеся наблюдению и вытесняются за границу научного знания.

Второй тенденцией данного периода является построение универсальных картин мира. Эпистемологической нормой становятся следующие постулаты³.

1. Анализ базируется на наблюдаемых фактах. Если что-то не наблюдается, значит этого не существует.

2. Взаимодействие элементов должно объясняться существованием механических причинно-следственных связей.

3. Выявленные связи являются однородными, типичными, универсальными для каждого вида взаимодействия.

Третья тенденция заключалась в том, что классическая политическая экономия в качестве методологической платформы опиралась преимущественно на рационализм. Исходной была предпосылка о том, что мир устроен рационально, и задача экономической науки состояла в поиске существенных черт, концептуализированных в общую теоретическую схему. Чаще такие теоретические схемы строились по аналогии с другими науками (например, физики в случае А. Смита или медицины в случае Ф. Кенэ). Однако в отличие от естественнонаучных дисциплин экспериментальный потенциал в экономике резко ограничен. Поэтому основной упор был сделан на формирование категориального аппарата, терминологических традиций, выработку собственного языка описания экономической реальности. Решить эту задачу в определенной мере удалось Д. Рикардо. Благодаря ему получилось «высвободить экономическую науку из плена эмпирико-рассудочного знания» (Ананьин, 2008) и выстроить четкую теоретическую систему. Введенные им речевые практики позволили сформулировать гипотезы, осмыслить тенденции и выявить закономерности, характерные для классической политической экономии.

³ Чаплыгина И.Г., Калмычкова Е. 2005. *Экономическое мышление: философские предпосылки*. Москва: ИНФРА-М.

Механистический подход к анализу экономической реальности предполагал сосуществование двух картин мира и, соответственно, требовал внимания от экономистов к познанию двух предметов: материального богатства и поведения людей. Таким образом, интерес академического сообщества был направлен на изучение двух онтологий: *продуктовой* и *поведенческой* (Ананьин, 2008; Кондратьев, 1991). На домаржиналистском отрезке интерес к этим онтологиям можно найти как в начале периода у А. Смита, так и в конце периода у Дж. Ст. Милля. Представляется важным проследить, без углубления в содержание концепций этих ученых, какую теоретическую оптику они используют для описания обозначенных выше картин экономической реальности.

Адам Смит (1723–1790). *Продуктовая онтология.* Системообразующим понятием, через которое выстраивается теоретическая схема продуктовой онтологии у А. Смита, является «общественный продукт». Использование данной абстракции позволяет представить экономическую систему как кругооборот этого самого продукта, от величины которого зависит благосостояние общества. В течение года происходит его создание (трудом), распределение между классами и потребление. Следующим логическим шагом в теоретической системе становится проблема пропорций: потребления и накопления, соотношения заработной платы и прибыли и т. п. Наличие диспропорциональности в использовании производимого богатства объясняет пределы роста общественного благосостояния.

Схожие исследовательские техники, когда выделяется некая центральная категория (единица анализа) и на ее основе разворачивается абстрактная теоретическая конструкция, используются в последующем некоторыми представителями политэкономии.

Поведенческая онтология. Для описания поведенческих стратегий и способов согласования частных интересов А. Смит использует метафору «невидимая рука» (Смит, 2007). Подобную интуицию, скорее всего, можно объяснить априорной приверженностью принципам «естественного порядка» и рационализма. Вера в гармоничное устройство мира (сказывается влияние идей Нью-

тона) не позволяет А. Смицу придать научный характер образу «невидимой руки» и выстроить на этой основе четкую теоретическую систему. «Невидимая рука» остается скорее попыткой описания рыночного механизма координации с позиции здравого смысла и в то же время становится прочной основой для обоснования либеральной идеологической доктрины. Однако уже в маржиналистском периоде концепт «невидимой руки» обретает научную основу и становится ключевой конвенцией для ряда мейнстримовских исследовательских программ.

Джон Стюарт Милль (1806–1873). *Продуктовая онтология.* Наличие двух онтологий в классической политической экономии создавало проблему с четкой формулировкой ее предмета. Столкнувшись с ней, Милль «нащупывает» еще одну: проблему типологизации факторов, влияющих на рост богатства. Ведь, кроме труда, на прирост богатства влияет группа технологических факторов. Однако, по мнению Милля, эти факторы являются предметом изучения физической науки и исключаются из предметного поля политэкономии. Таким образом, экономическая наука должна заниматься исследованием рационального поведения человека, а за естественными науками закрепляется технологическая группа факторов. Такой методологический ход позволил Миллю сконцентрироваться и добиться значительных результатов в исследовании поведенческой онтологии.

Поведенческая онтология. С именем Дж. Ст. Милля связано усиление методологических позиций классической политической экономии. Испытывая влияние бентамовского утилитаризма и контовского позитивизма, Милль предлагает решение проблемы соотношения частных и общественных интересов через концепт «экономического человека». Ключевым аргументом в его поведенческой онтологии стала этическая допустимость хозяйственного индивидуализма в противовес подчинению общему интересу. Такой подход позволил ему доказать, что характер экономических взаимосвязей не только обусловлен материальной природой, но и подвержен воздействию морально-этических факторов⁴. Исследова-

⁴ Милль Дж. Ст. 1981. *Основы политической экономии*. Москва: Прогресс.

тельский подход Милля направлен на выявление причин экономических явлений. При этом внимание фокусируется на существовании объективных законов, носящих естественнонаучную природу. Для обоснования устойчивости закономерностей Миллем используется причинно-следственный анализ, включающий воздействие экзогенных (на современном языке) факторов. Тем самым закладывается подход, успешно развитый позже институционалистами: поведенческие стратегии детерминируются набором стереотипов и привычек в одинаковой степени с остальными составляющими модели.

Весомый вклад Дж. Ст. Милля в формирование дискурса классической политэкономии бесспорен. Ему удалось обосновать этическую нейтральность экономической науки, переведя ее на позитивные эпистемологические стандарты; придать исследованиям дедуктивный характер; вскрыть дуалистичность законов производства и распределения; обосновать возможность объективности и универсальности экономических законов.

Таким образом, домаржиналистский период характеризуется:

1) ослаблением позиций нормативного анализа в пользу позитивного с преобладанием выявления каузальных связей;

2) сочетанием рационалистических и эмпирических традиций в исследовательских техниках в противовес метафизическим способам познания;

3) акцентом на познание сути экономических явлений, с попытками вскрыть объективный и универсальный характер закономерностей.

Ключевым критерием научности выступает соотносимость полученного знания с фактами, что дает основание заключить: характер используемых методологических приемов в большей степени описывается корреспондентской теорией истины.

Маржиналистский период (1870-е годы – н. в.), или «золотой век» моделирования

Доминировавшие в экономической теории в конкретные исторические отрезки времени исследовательские программы существенно различались методологическими ос-

нованиями и задавали стандарты, методы и, до известной степени, ценностные ориентиры экономического анализа. Маржиналистская исследовательская программа состоит из конституирующей части, включающей неизменный набор допущений (принцип методологического индивидуализма, транзитивность и устойчивость предпочтений, равновесие и максимизация как способы описания экономических процессов и поведения экономических субъектов), и корректируемой части (принцип ограниченной рациональности, признание неполноты информации, оппортунизм как характеристика экономического поведения, возрастающее значение трансакционных издержек, допущение о неполноте спецификации и защиты прав собственности). Гносеологический аппарат данной программы, с одной стороны, учитывает достижения иных общественных наук. С другой стороны – наблюдается неудовлетворенность исследователей узкими предметными рамками экономической теории, что заставляет их расширять границы экономического анализа и решать «проблему выбора» в неэкономических областях. В итоге к настоящему времени экономическая теория представляет собой эпистемический инструмент, характеризующийся использованием преимущественно опций микроэкономики, неоинституционализма и поведенческой экономики и включающий набор формализованных моделей, описывающих как экономические, так и неэкономические явления и процессы.

Опираясь первоначально на неопозитивистский фундамент, использующий в качестве критерия научности принцип верифицируемости, а позднее на постпозитивистский, дополнив верификацию фальсифицируемостью (опровержимостью), экономическая теория берет за основу микроэкономический набор предпосылок (методологический индивидуализм, рациональное поведение, имманентное стремление к равновесию и др.) и осуществляет «вторжение» на территорию других общественных наук с целью конструирования *новой социальной реальности* с помощью экспорта собственного теоретического инструментария.

Возникновение «экономического империализма» как отдельного направления теоретико-экономических исследований нельзя

назвать уникальным, поскольку случаи методологических притязаний на универсальность со стороны социальных наук широко известны: например, социологические экспансии Э. Дюркгейма, Р. Коллинза или панпсихологизм З. Фрейда. Реакция со стороны представителей других общественных наук на распространение экономической методологии за первоначальные пределы имеет широкий диапазон: от полного принятия (Цебелис, 1997) или поиска ее ограничений (Грин, 1994) до предостережений о «захвате и замене» фундаментальных положений смежных наук (Baert, 1998).

Использование экономического подхода в качестве инструмента познания реализуется в двух формах.

1. Эпистемическая экспансия – вторжение одной дисциплины в предметное поле другой. Примером могут служить работы Г. Беккера, показывающие, что экономический анализ, в основе которого лежит представление об имманентной рациональности поведения, может применяться к самым разным областям социальной жизни: от актов дискриминации на рабо-

чем месте до выбора брачного партнера⁵ (см. табл.)

Работы Г. Беккера не только стали иллюстрацией потенциала микроэкономического подхода, но и способствовали распространению экономического категориально-аппарата, норм и образцов мышления, свойственных теории рационального выбора, в иные области гуманитарного знания.

2. Эпистемическая интервенция – представляет собой «захват» и «присвоение» не чужого предметного поля, а чужого аксиоматического ядра. Теория рационального выбора не объясняет рациональность, она объясняет через рациональность⁶.

Распространение практики объяснять через рациональность, за традиционными границами предметного поля экономики, наблюдается в праве, политологии, социологии, спорте, религии и других областях.

Так, *экономический анализ права* представлен тремя разными, но комплементарными направлениями исследований. Первое –

⁵ Вахштайн В. 2014. *Эпистемические интервенции*. URL: <http://postnauka.ru/faq/27198>

⁶ Там же.

Основные направления и результаты исследований Г. Беккера

Некоторые направления исследований	Основные результаты
Экономическая теория дискриминации (Becker, 1957)	Проведен анализ дискриминации на рынке труда в зависимости от расовых и иных предубеждений, влияющих на величину общественных издержек; введен «рыночный коэффициент дискриминации», показывающий неравенство в доходах между группами и зависящий от степени конкурентности товарного рынка и рынка труда, доступности образования, политических механизмов и т. д.
Теория человеческого капитала (Becker, 1964a; Becker, 1964b)	Впервые с позиций микроэкономики человек рассматривается как инвестиционный актив, при вложении средств в который сопоставляются ожидаемая предельная норма отдачи и доходность альтернативных инвестиций; осуществлен расчет экономической эффективности образования
Экономический анализ преступности (Becker, 1968)	Применен экономический подход к преступной деятельности как рациональному выбору в условиях неопределенности; впервые нарушение закона рассмотрено с точки зрения соотношения выгод и издержек
Экономический анализ конкуренции на политическом рынке (Becker, 1983)	Проведен анализ лоббистской деятельности, где государство рассматривается как инструмент перераспределения доходов между плательщиками налогов и получателями субсидий; рассмотрено равновесное состояние политического рынка на основе сравнения предельных выгод и издержек различных групп давления
Экономика семьи (Becker, 1981)	С позиций экономического подхода исследованы: • действие механизма брачного рынка; • выбор между количеством и «качеством» детей; • разделение труда между полами; • динамика разводов и др.

Источник. Авторская разработка.

связано с реализацией прогностической функции и предполагает использование экономического арсенала для оценки последствий принятия юридических правил. Второе – отдает преимущество нормативному анализу и ориентировано на определение эффективности юридических норм и выработку рекомендаций по их проектированию. Третье – получило развитие в рамках теории общественного выбора и объясняет, какими будут юридические правила.

Возникновение идеи применения теории рационального выбора в социологии связано с представителем социологического факультета Чикагского университета Дж. Коулманом. Рассматривая ценностно-нормативные элементы социальной системы, Дж. Коулман дополняет свою теоретическую схему отношения обмена, к которым относит передачу прав контроля над индивидуальным поведением другому субъекту. Перераспределение контроля обуславливает наличие социальных норм и властных отношений, что приводит к возникновению социальных институтов. Последние позволяют направить деятельность индивидуальных акторов на достижение коллективного результата (Коулман, 2004).

Применение экономического метода в политологии связано с работами Э. Даунса (Downs, 1957), который предложил концептуализацию демократии на основе рационального поведения политического агента, стремящегося к максимизации результата своей деятельности при наименьших затратах. Экономическая теория демократии активно использует теоретические модели микроэкономики: индивидуальный интерес, политика как форма обмена, конкуренция за голоса, упорядоченность предпочтений, полнота/неполнота информации др. Концепция Э. Даунса стала не только значимой частью сравнительной политологии, но и оказала существенное влияние на становление и развитие современной теории общественного выбора.

Применение экономической методологии на чужом предметном поле часто претендует на исключительность относительно иных возможных подходов к объяснению исследуемых явлений и процессов. Но в случае с *экономикой религии* (подробнее см. (Во-

робьев, Кристиневич, 2016)) ситуация иная: научный поиск, как правило, ведется без притязаний на эксклюзивность толкования феномена религиозного поведения.

Использование экономической аксиоматики к анализу религиозной сферы часто (не без основания) рассматривается как форма редукционизма, критикуется за прагматичный, утилитарный подход, отдающий приоритет рациональному поведению над ценностно ориентированным. Однако экономика религии ясно осознает свои эпистемические возможности и границы, предлагает уникальный язык, обогащающий междисциплинарную коммуникацию, задает новое социальное измерение, вскрывает действие экономических сил в религиозной области человеческой жизнедеятельности⁷.

Безусловно, слияние идей, методологических подходов, техник анализа, используемых в описании религиозной сферы, происходит постепенно. Позиции экономистов здесь не так прочны, как, например, в политологии или праве. При этом экономика религии не только непрерывно интегрирует в себя новые достижения и наработки, появляющиеся внутри экономической науки, но и тяготеет к использованию и адаптации исследовательских схем смежных наук.

Междисциплинарное взаимодействие проявляется в расширении предмета экономической теории через объяснение мотивов, обоснование выбора и прогнозирование религиозного поведения индивидов и групп на основе исходной предпосылки о рациональности индивидов, а также отражается в конвергенции методологии экономики религии и социологии религии:

во-первых, в возможной комплементарности моделей человека: *Номо economicus* (в экономической теории – рациональный индивид, максимизирующий целевую функцию при ограниченных ресурсах) и *Номо sociologicus* (в социологии – исполнитель социальных ролей, в которых синтезируются индивидуальное и общественное). В резуль-

⁷ Теория рационального выбора как продукт междисциплинарного взаимодействия способствовала прекращению доминирования в социологии теории секуляризации, устранению недооценки религии в обществе, пересмотру отдельных положений постмодернистского мышления, основу которого составляет отрицание или ограничение роли рационализма в современной культуре.

тате формируется и применяется в анализе продуктивная абстракция *Homo religiosus*, описывающая поведение рационального индивида, действующего в рамках определенных религиозных институтов (правил и организаций);

во-вторых, в рассмотрении религии как набора канонических правил (использование институционального подхода и в экономике религии, и в социологии религии) в рамках анализа затраты–выгоды, что позволяет объяснить, как осуществляется рациональный религиозный выбор с учетом индивидуальных предпочтений.

Поскольку рациональное поведение связано с субъективными предпочтениями, реализация которых происходит в условиях асимметрии информации, постольку появляются неточные оценки последствий религиозной деятельности. Это объясняет «рациональный» выбор индивидами ложных вероучений и их приверженность к деструктивным сектам.

Использование экономических инструментов познания в религиозной сфере носит не всеохватывающий, а скорее проблемно-ориентированный характер: можно говорить не об универсальности, а о контекстuality экономического метода, который позволяет, как минимум, расширить рамки анализа и получить приращение нового знания.

Рассмотренные выше образцы применения маргинальных речевых практик дают возможность сделать определенные выводы.

1. Используемые исследовательские техники иллюстрируют приверженность к формально-математическому моделированию. Модель выступает ключевым способом отображения реальности в маргинальном анализе.

2. Маржиналистская методология становится гносеологическим маркером, позволяющим идентифицировать и разделять исследования на экономические и неэкономические, а также выступает критерием «раскола» академического сообщества на «ортодоксов» и «неортодоксов».

3. Отличительной чертой маржиналистского периода является стремление к строгости в ущерб реалистичности. Манифестом этого тезиса стало известное среди экономистов-теоретиков эссе М. Фридма-

на, посвященное методологическим основаниям современной (маржиналистской) теоретической экономики (Friedman, 1953). Центральной идеей этого эссе выступает положение о допустимости нереалистичности исходных предпосылок, при условии, что создаваемая модель обладает объясняющей и прогностической функцией.

4. Стремление маржиналистов на начальном этапе приблизить стандарты научности в экономической теории к стандартам естественных наук (например, физики или биологии) (Фуркад, Ольон, Альган, 2015; Colander, 2005; Messe, 2016) постепенно трансформируется на протяжении XX в. Появляется новый образец подражания – математика. Так, обязательным атрибутом качественного исследования считается наличие в тексте изощренной математической модели (Капелюшников, 2018), которая выступает своего рода сигналом достоверности полученных результатов для академического сообщества. Попытка объяснить экономическую реальность с помощью оптимизационных и равновесных моделей дает основание для следующего вывода.

5. На начальном этапе (подражание естественнонаучным стандартам) маржиналистского периода для экономической теории характерна опора на корреспондентную концепцию истины, критерием качества модели было ее соответствие реальности. В последующем (подражание математике) происходит смена эпистемической модели на гибридную форму: частично используются когерентный и конвенциональный критерии, характерные для математики. Ключевым атрибутом научности в экономической теории становится логическая непротиворечивость, дополненная набором явных и неявных конвенций.

**Постмаржиналистский период
(1990-е годы – н. в.),
или время «производства смыслов»
и «конструирования реальностей»**

Последовательное увлечение механицизмом, подражание методологическим стандартам естественных наук и математике привело к возникновению в экономических исследованиях дилеммы между строгостью и реалистичностью. Такой стандарт

стал стимулом к появлению новой тенденции: *активизации эконометрических и эмпирических исследований* (Angrist, Azoulay, Ellison, Hill, Lu, 2017; Boettke, Leeson, Smith, 2008; Hamermesh, 2013; Einav, Levin, 2014). Страсть к *эконометрическим исследованиям* приводит к нескольким важным следствиям. Во-первых, происходит изменение стереотипов воспроизводства теоретических концептов. Другими словами, вместо построения предельно обобщенной теории, поиска закономерностей, познания природы явлений и процессов исследователь идет по пути создания отдельных частных моделей, имеющих конкретное назначение и фрагментированность применения. Во-вторых, массовое производство эконометрических моделей позволяет заметить тренд на прагматизацию экономической науки, что выражается в изменении педагогических техник в экономическом образовании. Популярность приобретают бизнес-школы (Stock, Siegfried, 2014). Традиционной становится диспропорциональность в учебных планах между теорией и кейсами (Ананьин, 2018). В-третьих, теряется связь между теорией и практикой. Результаты эконометрического моделирования часто заслуживают большего доверия, если даже противоречат ключевым положениям теории.

Рост исследований *эмпирической* направленности также обусловлен изменением отношений между теорией и практикой. Наблюдается определенный эпистемический сдвиг от научности (сциентизма) к ремеслу в практиках объяснения экономической реальности (Кошовец, 2019). Проявляется этот тренд через замену «академической экономической теории» (Lawson, 2012) экстенсивным разрастанием *ad hoc* моделей.

На изменение роли моделей в экономической теории после мирового кризиса 2007–2010 гг. указывают работы (Leamer, 2012; Rodrik, 2015). Суть состоит в том, что если ранее назначением модели было упрощенно отображать реальность и выражать причинно-следственные связи, то сейчас модель – это всего лишь «басня», «история», из которой следует извлечь экономический урок (Ross, 2018). Отсюда можно сделать два промежуточных вывода. Во-первых, восприятие роли экономиста как

ремесленника или социального инженера добавляет к оценке результатов его деятельности наряду с когерентным и конвенциональным критериями еще прагматический, который требует от знания приносить практическую пользу. Во-вторых, экономическая наука как «техника» или «ремесло» предполагает определенное прибавление выполняемых функций. Теперь к методологической, мировоззренческой, прогностической и т. д. добавляется новая функция: конструирование реальности.

Конструирование реальности в отличие от поиска истины направлено не на приращение знания, а на решение узких конкретных экономических задач. Это, в свою очередь, создает предпосылки для превращения «мрачной науки» в вид социальной инженерии или «технонауки» (Латур, 2006; Daston, Galison, 2007). Таким образом, отличие экономической теории как «технонауки» от предыдущей ее версии состоит в появлении дополнительной опции: производстве смыслов и реальности. Отсюда еще один вывод: актуализируется потребность в развитии инструментария, способного эффективно создавать эти «смыслы». В силу этого наблюдаются две тенденции: во-первых, спрос на поиск истины вытесняется спросом на производство инструментов; во-вторых, происходит замена теорий дискурсивными практиками, основанными на ценностных нарративах. Последствиями этих тенденций являются потеря монополии на производство знаний научным сообществом и делегирование этой привилегии в среду экспертов, бизнеса, аналитических центров. И, согласно концепции поля науки П. Бурдьё (1994; 2018), среди исследователей обостряется конкуренция за внимание референтных групп (СМИ, правительства и т. п.). Победители приобретают символическую власть, которая проявляется в легитимации права на производство образцов «смыслов» и «реальностей» для остальных исследователей (Ореховский, 2019; Кристиневич, 2018а).

Эволюция в сторону постмодернистских традиций позволяет рассматривать современную экономическую науку как множество неоднородных сконструированных дискурсов (Болдырев, 2011. С. 61). Таким

образом, целью экономического исследования становится не только поиск истины, но и построение уникальной коммуникативной системы, способной быть конкурентоспособной по убедительности с уже существующими (Макклоски, 2015; Кристинович, 2018б; 2020а; 2020б). Следовательно, отдельная экономическая теория представляет собой сочетание методов, устоявшегося стиля аргументации, риторики, стандарта строгости, иными словами – набор определенных правил, по которым теория строится внутри конкретного коллектива ученых. Институционализация этих правил ставит проблему интерпретации, «перевода» с разных языков, на которых говорят различные группы внутри экономического сообщества. Существование «языковых игр» – системы конвенционных правил – порождает не только множественность истин, но и необходимость унификации языковых практик, воспроизводимых в процессе коммуникации. Одни объясняют реальность на языке моделей, другие – на основе диалектического материализма, третьи – существованием институтов и транзакционных издержек, четвертые – праксеологией как онтологическим фактом, пятые – с помощью эволюционной теории игр. Каждый такой уникальный вариант концептуализации приводит к восприятию многомерного образа экономической реальности как объекта познания, а также позволяет говорить об эпистемологическом релятивизме как имманентной характеристике современной экономической науки. Речь идет не о тенденции абсолютизации релятивности знания, а о релятивности как свойстве познавательной способности человека и как характеристике изменчивости объекта и способов его интерпретации, неопределенности экономических явлений и процессов.

Эпоха постмодернизма ознаменовалась радикальным пересмотром критериев научности: теперь наука не познает, а конструирует реальность. Требование того, чтобы конструируемые понятия в теории соотносились со своими референтами в реальном мире, становится необязательным. Гораздо важнее, чтобы они давали возможность решения конкретных задач. Вопрос лишь в

том, какой набор риторических приемов выглядит убедительнее.

Реализация постмодернистской методологической стратегии в экономической науке оказывает влияние на восприятие экономической онтологии: экономическая реальность теперь зависит от выбранной языковой игры и задается набором исследовательских правил, которыми руководствуется то или иное научное сообщество.

* * *

Таким образом, можно утверждать, что *домаржиналистский* период (до 1870-х годов) характеризуется: ослаблением позиций нормативного анализа в пользу позитивного с преобладанием выявления каузальных связей; сочетанием рационалистических и эмпирических традиций в исследовательских техниках в противовес метафизическим способам познания; акцентом на познание сути экономических явлений, с попытками вскрыть объективный и универсальный характер закономерностей. Ключевым критерием научности выступает соотносимость полученного знания с фактами, что дает основание заключить: характер используемых методологических приемов в большей степени описывается корреспондентской теорией истины.

Маржиналистский период (1870-е годы – н. в.): используемые исследовательские техники иллюстрируют приверженность к формально-математическому моделированию. Модель становится ключевым способом отображения реальности. Маржиналистская методология выступает гносеологическим маркером, позволяющим идентифицировать и разделять исследования на экономические и неэкономические, а также критерием «раскола» академического сообщества на «ортодоксов» и «неортодоксов». Отличительная черта маржиналистского периода – стремление к строгости в ущерб реалистичности. На начальном этапе (подражание естественнонаучным стандартам) маржиналистского периода для экономической теории характерна опора на корреспондентскую концепцию истины, а критерием качества модели является ее соответствие реальности. В последующем (подражание математике) происходит смена эпи-

стемической модели на гибридную форму: частично используются когерентный и конвенциональный критерии, характерные для математики. Ключевым атрибутом научности в экономической теории становится логическая непротиворечивость, дополненная набором явных и неявных конвенций.

Постмаржиналистский период (1990-е годы – н. в.): если в домаржиналистском периоде преимущественно использовался корреспондентский стандарт, в маржиналистском периоде он дополнился когерентным и конвенциональным, то в постмаржиналистском периоде отдан приоритет прагматичному критерию. Происходит изменение стереотипов воспроизводства теоретических концептов: вместо построения предельно обобщенной теории, поиска закономерностей, познания природы явлений и процессов исследователь идет по пути создания отдельных частных моделей, имеющих конкретное назначение и фрагментарность применения. Наблюдаются две тенденции: во-первых, спрос на поиск истины вытесняется спросом на производство инструментов; во-вторых, происходит замена теорий дискурсивными практиками, основанными на ценностных нарративах. Последствиями этих тенденций являются потеря монополии на производство знаний научным сообществом и делегирование данной привилегии в среду экспертов, бизнеса, аналитических центров. Ключевой функцией науки становится конструирование реальности, которое, в отличие от поиска истины, направлено не на приращение знаний, а на решение узких конкретных экономических задач.

Ученые, транслирующие маржиналистские дискурсивные практики, чаще сталкиваются с безуспешным поиском междисциплинарности, поскольку строгость ортодоксальной теоретической конструкции накладывает ограничения для абсорбции новых идей. Доказательством этому может служить постепенная маргинализация поведенческой экономики в силу ее аксиоматического противоречия с мейнстримовской моделью человека. Однако генетическое стремление к универсализму моделей и строгости языка определяет их ведущую позицию на академическом рынке.

Ученые-неортодоксы склонны к созданию уникальных, но не универсальных методологий. Их исследовательские техники не всегда приспособлены для воспроизводства иными лицами (последователями), что обуславливает недостаточное тиражирование заслуживающих внимания идей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

Ананьин О. 2008. *Философия и методология экономической науки*. Москва: Академический проект. [Anan'in O. 2008. *Philosophy and methodology of economic science*. Moscow: Akademicheskiiy proekt. (In Russ.)]

Ананьин О. 2018. Метаморфозы теоретической экономики: от Ричарда Кантильона до Ричарда Талера. *Экономическая теория: триумф или кризис?* Санкт-Петербург: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр». С. 231–251. [Anan'in O. 2018. The metamorphoses of theoretical economics: from Richard Cantillon to Richard Thaler. *Ekonomicheskaya teoriya: triumf ili krizis?* Sankt-Peterburg: Mezhdunarodnyy tsentr sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniy «Leont'evskiy tsentr». PP. 231–251. (In Russ.)]

Болдырев И. 2011. Экономическая методология сегодня: краткий обзор основных направлений. *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 9. С. 47–70. [Boldyrev I. 2011. Economic methodology today: a brief overview of the main directions. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. No 9. PP. 47–70. (In Russ.)]

Бурдьё П. 1994. *Социальное пространство и символическая власть*. Москва: Socio-Logos. [Bourdieu P. 1994. *Social space and symbolic power*. Moscow: Socio-Logos. (In Russ.)]

Бурдьё П. 2018. *Номо академик*. Москва: Издательство Института Гайдара. [Bourdieu P. 2018. *Nomo academicus*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. (In Russ.)]

Витгенштейн Л. 2018. *Логико-философский трактат*. Москва: Издательство АСТ. [Wittgenstein L. 2018. *Tractatus logico-philosophicus*. Moscow: Izdatel'stvo AST. (In Russ.)]

Воробьев В., Кристиневиц С. 2016. Экономическая теория религии: контуры междисциплинарного взаимодействия. *Белорусский экономический журнал*. № 2. С. 68–81. [Vorob'ev V., Kristinevich S. 2016. The economic theory of religion: the contours of interdisciplinary interaction. *Belorusskiy ekonomicheskiiy zhurnal*. No 2. PP. 68–81. (In Russ.)]

Грин Д. 1994. Объяснение политики с позиции теории рационального выбора: почему так мало

удалось узнать? *Политические исследования*. № 3. С. 59–84. [Grin D. 1994. Rational choice explaining politics: why so little has been learned? *Politieskie issledovaniya*. No 3. PP. 59–84. (In Russ.)]

Капелюшников Р. 2018. *О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения. Куда движется современная экономическая наука?* Москва: Институт экономики РАН. [Kapelyushnikov R. 2018. *On the current state of economic science: semi-sociological observations. Where is modern economic science heading?* Moscow: Institut ekonomiki RAN. (In Russ.)]

Кондратьев Н. 1991. *Основные проблемы экономической статики и динамики: предварительный эскиз*. Москва: Наука. [Kondratiev N. 1991. *Basic problems of economic statics and dynamics: Preliminary sketch*. Moscow: Nauka. (In Russ.)]

Коулман Дж. 2004. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора. *Экономическая социология*. Т. 5. № 3. С. 35–44. [Coleman J. 2004. Economic sociology from the point of view of rational choice theory. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. Vol. 5. No 3. PP. 35–44. (In Russ.)]

Кошовец О. 2019. «Горизонтальный прогресс» экономической науки: между конструируемой реальностью и технаукой. Москва: Институт экономики РАН. [Koshovets O. 2019. «Horizontal progress» of economic science: between constructed reality and technoscience. Moscow: Institut ekonomiki RAN. (In Russ.)]

Кристиневич С. 2018а. Типология институциональных интервенций в контексте силовых перераспределительных процессов. *Белорусский экономический журнал*. № 3. С. 124–135. [Kristinevich S. 2018a. The typology of institutions intervention in the context of power redistribution processes. *Belorusskiy ekonomicheskij zhurnal*. No 3. PP. 124–135. (In Russ.)]

Кристиневич С. 2018б. Институциональные интервенции как рациональный выбор: микроэкономические основания недобровольного обмена. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. № 6. С. 24–39. [Kristinevich S. 2018b. Institutional interventions as a rational choice: microeconomic basis of the involuntary exchange. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*. No 6. PP. 24–39. (In Russ.)]

Кристиневич С. 2020а. Инструментальное обеспечение проектирования механизмов институциональной интервенции. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. Т. 36. Вып. 3. С. 354–370. [Kristinevich S. 2020a. Instrumental support for designing mechanisms of institutional intervention. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*. Iss. 36. Vyp. 3. PP. 354–370. (In Russ.)]

Кристиневич С. 2020б. *Институциональные интервенции: концепция и механизмы реализации в национальной и мировой экономике*. Минск: ИВЦ

Минфина. [Kristinevich S. 2020b. *Institutional interventions: the concept and mechanisms of implementation in the national and global economy*. Minsk: IVTs Minfina. (In Russ.)]

Кун Т. 2003. *Структура научных революций*. Москва: Издательство АСТ. [Kuhn T. 2003. *The structure of scientific revolutions*. Moscow: Izdatel'stvo AST. (In Russ.)]

Латур Б. 2006. *Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета. [Latur B. 2006. *There was no new time. Essays on symmetric anthropology*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta (In Russ.)]

Макклоски Д. 2015. *Риторика экономической науки*. Москва: Издательство Института Гайдара. 328 с. [Makkloski D. 2015. *Rhetoric of economic science*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. 328 p. (In Russ.)]

Ореховский П. 2019. *Структуры когнитивности и российские реформы*. Москва: Институт экономики РАН. 47 с. [Orehovskiy P. 2019. *Cognitive structures and Russian reforms*. Moscow: Institut ekonomiki RAN. 47 p. (In Russ.)]

Рассел Б. 2000. *Человеческое познание: его сфера и границы*. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб. [Russel B. 2000. *Human knowledge, it's scope and limits*. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub. (In Russ.)]

Смит А. 2007. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Москва: Эксмо. [Smit A. 2007. *Research on the nature and causes of the wealth of nations*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)]

Фуркад М., Оллон Э., Альган Я. 2015. Превосходство экономистов. *Вопросы экономики*. № 7. С. 45–72. [Fourcade M., Ollion E., Algan Ya. 2015. The superiority of economists. *Voprosy ekonomiki*. No 7. PP. 45–72. (In Russ.)]

Цебелис Д. 1997. В защиту теории рационального выбора. *Современная сравнительная политология*. Москва: Московский общественный научный фонд. [Tsebelis D. 1997. In defense of rational choice theory. *Modern comparative political science*. Moscow: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond. (In Russ.)]

Angrist J., Azoulay P., Ellison G., Hill R., Lu S. 2017. Economic research evolves: fields and styles. *American Economic Review*. Vol. 107. Iss. 5. PP. 293–297.

Baert P. 1998. *Social theory in the 20th century*. New York: New York University Press.

Becker G. 1957. *The economics of discrimination*. Chicago: University of Chicago Press.

Becker G. 1964a. *Human capital: a theoretical and empirical analysis with special reference to education*. New York: National bureau of economic research.

Becker G. 1964b. *Human capital: a theoretical and empirical analysis*. New York: Columbia University Press.

- Becker G.** 1968. Crime and punishment: an economic approach. *Journal of Political Economy*. Vol. 76. No 2. PP. 169–217.
- Becker G.** 1981. *A treatise on the family*. London: Cambridge.
- Becker G.** 1983. A theory of competition among pressure groups for political influence. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 98. No 3. PP. 371–400.
- Boettke P., Leeson P., Smith D.** 2008. The evolution of economics: where we are and how we got here. *The Long Term View*. Vol. 7. No 1. PP. 14–22.
- Colander D.** 2005. The making of an economist redux. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 19. No 1. PP. 175–198.
- Daston L., Galison P.** 2007. *Objectivity*. New York: Zone Books.
- Downs A.** 1957. *An economic theory of democracy*. New York: Harper and Row.
- Einav L., Levin J.** 2014. Economics in the age of big data. *Science*. Vol. 346. Iss. 6210. PP. 715–721.
- Friedman M.** 1953. *Essays in Positive Economics*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hamermesh D.** 2013. Six decades of top economics publishing: who and how? *Journal of Economic Literature*. Vol. 51. No 1. PP. 162–72.
- Lawson T.** 2012. Mathematical modelling and ideology in the economics academy: competing explanations of the failings of the modern discipline? *Economic Thought*. Vol. 1. No 1. PP. 3–22.
- Leamer E.** 2012. *The Craft of Economics*. MIT Press.
- Maesse J.** 2016. The power of myth. The dialectics between «elitism» and «academism» in economic expert discourse. *European Journal of Cross-Cultural Competence and Management*. Vol. 4. No 1. PP. 3–20.
- Rodrik D.** 2015. *Economic rules: the rights and wrongs of the dismal science*. New York: W.W. Norton.
- Ross D.** 2018. Economics and allegations of scientism. *Science Unlimited?* University of Chicago Press. PP. 225–245.
- Stock W., Siegfried J.** 2014. Fifteen years of research on graduate education in economics: what have we learned? *Journal of Economic Education*. Vol. 45. No 4. PP. 287–303.

In citation: *Belorusskiy Ekonomicheskii zhurnal*. 2022. No 1. PP. 4–16.

Belarusian Economic Journal. 2022. No 1. PP. 4–16.

THEORETICAL ECONOMICS IN SEARCH OF SCIENTIFIC STANDARDS AND REFLECTION OF ECONOMIC REALITY

Sergey Kristinevich¹

Author affiliation: ¹ Belarus State Economic University (Minsk, Belarus).

Corresponding author: Sergey Kristinevich (sk.bseu@gmail.com).

ABSTRACT. The article studies the evolution of scientific standards in the production of economic knowledge. The change in the criterion of truth is traced at the conventionally identified stages of development of theoretical economics: pre-marginalist, marginalist and post-marginalist. It is shown that two modern competing paradigms (marginalist and post-marginalist) follow different scientific standards. The first is focused on the construction of an extremely generalized theory, the search for patterns, knowledge of the nature of phenomena and processes. The second follows the path of creating separate private models with a specific purpose and fragmentation of application. It is shown that the demand for the search for truth is replaced by the demand for the production of tools. The consequence of these trends is the loss of the monopoly on the production of knowledge by the scientific community and the delegation of this privilege to the environment of experts, business, think tanks, the key function of science is the construction of reality, which, unlike the search for truth, is aimed not at increasing knowledge, but at solving narrow specific economic problems.

KEYWORDS: theoretical economics, methodology of economic research, mainstream, marginalism, theory of truth, economic reality, orthodox economics, heterodox economics, paradigm shift.

JEL-code: A10, B41.

DOI: 10.46782/1818-4510-2022-1-4-16

Received 10.09.2021

